В: «Николай Владимирович Тимофеев – Ресовский».
Очерки. Воспоминания. Материалы. Ред. Н.Н. Воронцов.
Москва, "Наука", 1993. С.252-269

ШКОЛА Н.В. ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО

Корогодин В.И.

Первые встречи

Впервые я услышал о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском в 1956 г., весной, когда он только начал приезжать в Москву после амнистии и поселения в Свердловске. По биофаку МГУ (где я работал тогда на кафедре биофизики) прошел слух, что в Москве «появился какой-то Тимофеев-Ресовский, который работал в Германии, сотрудничал с фашистами, сидел в тюрьме, теперь выпустили и разрешили лекции читать». Генетик. Менделист-морганист. Узнав, где будет лекция, я отправился туда вместе с А.Л. Агре и Г.Г. Поликарповым... Зал был переполнен. Из-за кулис вышел коренастый плотный мужчина с гривастой головой. Оглядел зал. Снял пиджак, повесил на спинку стула. И заговорил... Я не запомнил темы и содержания лекции, кажется, что-то о биогеоценологии. Поразила нас тогда речь, превосходная русская речь, без малейшего (ожидавшегося) акцента, и ясность изложения, нами никогда не слыханная... Зачарованные и несколько оглушенные впечатлениями, мы вернулись на кафедру.

Вторая встреча произошла тем же летом, но не с самим Николаем Владимировичем, а с отчетами его лаборатории. Вместе с группой сотрудников кафедры я был в командировке в «Закрытом городе», где работал реактор, охлаждаемый водой из озера. Вода, естественно, содержала радиоактивность ("пассивность", как писали в секретных документах). Нашей задачей была определить, сколь долго это озеро можно эксплуатировать подобным образом. Первые недели мы брали пробы воды, грунта, водных растений, моллюсков, рыб и здесь же определяли содержание в них радиоактивных изотопов. Лишь к концу работы кто-то подсказал, что в "закрытой" библиотеке, в Особой папке, хранятся отчеты ранее работавших здесь экспедиций. Взял эти отчеты и обнаружил, что уже ряд лет, здесь проводились работы, подобные нашей, и были получены такие же, точно такие же результаты. Уже несколько лет, не будучи уведомлены о предшественниках, разные люди делали одну и ту же работы, получая, естественно, идентичные, никуда далее "спецхранения" не идущие и никем не используемые результаты, излагаемые в форме отчетов (в единственном экземпляре!) сухим канцелярским языком... Но вдруг среди этой груды макулатуры несколько папок с отчетами из "пункта С" - превосходные научные работы по радиобиологии и радиационной цитогенетике, по радиоэкологии пресноводных водоемов и т.п., выполненные в лаборатории Н.В. Тимофеева-Ресовского (когда он был еще заключенным) и подписанные тогда никому не известными, и ныне хорошо знакомыми специалистам именами, такими, как Е.А. Тимофеева-Ресовская, Н.В. Лучник, Н.А. Порядкова, Е.Н. Сокурова, Л.С. Царапкин и др. (все эти отчеты спустя много лет были "рассекречены" и опубликованы в виде статей). Как детективные романы, я запоем читал эти отчеты, эти заживо похороненные творения интеллекта, на несколько лет опередившие западные публикации на подобные темы. Я уже не говорю о наших, отечественных, исследованиях... Только теперь я увидел, что такое настоящие научные работы...

Вернувшись в Москву, я уже с нетерпением ожидал сведений о новом приезде Николая Владимировича, решив во что бы то ни стало с ним познакомиться. Надо сказать, что в этом ожидании была и своя корысть. Весной того года я обнаружил новое, как я надеялся, явление: свойство клеток восстанавливаться от летальных лучевых повреждений, но не мог сыскать в Москве ни достойного критика, ни

достаточный "критерий значимости", т.е. специалиста, который умел бы объективно оценить этот феномен и либо поддержать мои дальнейшие изыскания, либо помочь избавиться от заблуждения. Б.Н. Тарусов, заведующий нашей кафедрой, которого мы, молодежь, очень любили, таким критерием значимости для нас, к сожалению, не был.

Осенью мне сообщили, что Николай Владимирович опять в Москве и будет читать лекции на мехмате, на кафедре Алексея Андреевича Ляпунова. Мы с Г.Г. Поликарповым, конечно, отправились на эту лекцию (кажется, она была посвящена принципу усилителя в биологии). Мы уже знали к тому времени, что отдел биофизики Института биологии УФ АН СССР, которым руководил в Свердловске Николай Владимирович, располагает биостанцией на берегу одного из уральских озер - Большое Миассово, в Ильменском минералогическом заповеднике, и решили испросить разрешение провести там летом отпуск. Это единственное, что мы смогли тогда сказать Николаю Владимировичу, и тотчас же получили его согласие. "А что Вам привезти?" - спросили мы. Николай Владимирович на мгновение задумался и ответил: "Дрозофилиные пробирки!" -"Сколько?" - спросили мы, не ведая даже, о чем идет речь. "Побольше"... Нас несколько озадачило, что Николай Владимирович даже не спросил, кто мы и где работаем. На всякий случай мы попытались назвать наши фамилии, но обратил ли он на это внимание, было не ясно. Полные ожидания летней поездки, мы пошли в общежитие попить пивка... Но встретился я с Николаем Владимировичем значительно раньше, чем надеялся. Произошло это так.

Вскоре я закончил писать кандидатскую, и ее следовало представить к защите на Ученом совете биофака. Самое трудное здесь было - получить отзыв от научного руководителя, проф. Б.Н. Тарусова. У него свой стиль в отношении к диссертантам (да и к другим сотрудникам) - давать им полную свободу действий, а уж читать-то, что они напишут, или тем более писать отзывы на их работы - этого он терпеть не мог. В очередной раз вторгшись в его кабинет с мольбой об отзыве (завтра - Ученый совет), я застал у него незнакомого несколько растерянного молодого мужчину, сидевшего на диване. "А, это Вы, заходите! - неожиданно обрадовался мне Борис Николаевич, - знакомьтесь, наш сотрудник..." И затем, обратившись ко мне: "Владимир Иванович, Иван Александрович завтра защищает у нас докторскую, я у него оппонент, пожалуйста, сядьте и напишите за меня отзыв... А Вы, Иван Александрович, пожалуйста, напишите мой отзыв на кандидатскую Владимира Ивановича, завтра будем представлять к защите..." - и вышел из кабинета, оставив нас одних. Так я познакомился с Иваном Александровичем Терсковым, замечательным человеком и оригинальным ученым, будущим академиком и директором созданного им с И.И. Гительзоном Института биофизики СО АН СССР. За пару часов мы написали отзывы, рассказав предварительно друг другу о сути наших работ, разговорились, вместе пошли обедать. Я поведал Ивану Александровичу и о встречах с Тимофеевым-Ресовским. Он очень заинтересовался, и созрел план: Иван Александрович за счет своей кафедры приглашает меня в Красноярск прочесть лекцию, мы вместе после его защиты выезжаем, по пути делаем остановку на несколько часов в Свердловске и посещаем Николая Владимировича в его лаборатории.

Испросив телеграфно согласие Николая Владимировича, приезжаем в Свердловск, находим институт. Суббота, рабочий день закончен, никого нет... До следующего поезда - три часа. Разочарованные и обескураженные, стучимся в запертые двери института. Наконец, нам открывает сторожиха: "Вам что?" - "Да вот, мы приехали к Тимофееву-Ресовскому, а здесь все закрыто, нам три часа до поезда..." - лопочем мы с Иваном Александровичем. "К Николаю Владимировичу? Так бы и сказали!" -говорит сторожиха, протягивает нам записку и захлопывает дверь. На обрывке бумажки - адрес, и больше ничего. Отправляемся по этому адресу.

На наш звонок дверь распахивается - на пороге Николай Владимирович. "А вот и вы!" - восклицает он, даже не спросив, кто мы (что он меня не узнал, я был уверен, и

оказался прав). - Идите сюда, раздевайтесь! -не дав нам объяснить свое вторжение, продолжает он, вводя нас в гостиную. - Вот Лелька придет, чайком напоит!" Не спросив опять! - ни кто мы, ни где и кем работаем, а лишь поинтересовавшись, чем мы занимаемся, и услышав от Ивана Александровича, что он из Красноярска, Николай Владимирович тотчас начал расспрашивать его о Сибири, похвалил красноярскую школу физиков, заговорил о судьбе Байкала, о енисейском хариусе, начал доставать с полок и показывать нам какие-то книги по ихтиологии, а когда через час мы поднялись и стали прощаться, категорически никуда нас не пустил, заявив, что ночуем мы у него, а уедем завтра, это дело решенное...

Еще через час пришла Елена Александровна, неся набитую авоську, и сразу же направилась на кухню... После отличного ужина с водочкой и заключительного чаепития, далеко заполночь, вняв уговорам Елены Александровны: "Колюша, ребята устали, дай им отдохнуть!", Николай Владимирович отвел нас в гостиную, где было уже постелено на диване и раскладушке, положил на стол несколько альбомов репродукций на разных языках - "Это чтобы вам не скучно было" - и ушел. Мы переглянулись и легли спать. Говорить о чем-либо было невозможно. Это была стихия, явление природы, совершенно неведомое нам, с которым мы столкнулись впервые.

Уехали мы на следующий день, после радушного, обильного, весело прошедшего завтрака, сопровождавшегося рассказами Николая Владимировича о встречах с Нильсом Бором, о поездках по Америке, о работе в "пункте С" и о том, как руководил там институтом Николай Васильевич Риль, известный радиохимик, лауреат сталинской премии, а затем директор института в ФРГ...

Защитив кандидатские диссертации и получив дипломы, мы с Геннадием Григорьевичем Поликарповым (тогда он уже работал в Севастополе), летом 1958 г. приехали в Миассово. Николай Владимирович тотчас же окрестил нас "кандибоберами". Вскоре появился и третий "кандибобер" - Олег Вячеславович Малиновский, из Колтуш. Дрозофилиные пробирки мы привезли, выпросив два ящика у Н.П. Дубинина, лаборатория которого (прообраз будущего Института общей генетики АН СССР) размещалась тогда в маленьком домике, на территории Ботанического сада АН СССР.

Мне никогда не забыть обстановку, поразившую меня на биостанции: отсутствие формализма, лживых понятий "трудовая дисциплина" и "рабочий день", органическое слияние жизни и работы. "Науку надо делать без звериной серьезности" - любил говаривать Николай Владимирович, и здесь это полностью воплощалось в жизнь. Работа в лабораториях, экскурсии по заповеднику, обсуждения на семинарах и во время застолий, шутки друг над другом и над вновь прибывающими, курс лекций по генетике, специально читавшийся Николаем Владимировичем для гостей, а таких, вроде нас с Г.П. Поликарповым, было немало, целый палаточный городок - все это создавало непередаваемое словами ощущение Праздника, Полноты Жизни, Торжества Духа...

О летних "сборищах" в Миассове много уже писалось. Хочу добавить лишь одно, о чем редко вспоминают, но что было чрезвычайно важно, хотя и не всегда осознавалось, для всех, кто соприкасался с Миассово, Николай Владимирович был тем, кого (или "чего"?) нам более всего недоставало - Критерием Значимости. На семинарах в Миассово, в беседах с сотрудниками Николая Владимировича и, конечно, с ним самим получали оценку результаты наших работ, наши идеи, наши планы, и не только оценку, но и корректировку, и осмысление, чего неизменно требовал от нас всех Николай Владимирович своим сакраментальным вопросом: "А скажи-ка, почему сие важно в-пятых?" Это было, пожалуй, даже важнее просветительской роли его лекций, из которых многие из нас (и я в том числе) впервые узнали, что такое формальная генетика, пресловутый "вейсманизм-менделизм-морганизм". Все это приводило к тому, что побывавшие в Миассове как бы несли на себе особую печать, нечто вроде зеленой

чалмы правоверных, посетивших Мекку...

Помимо общемировоззренческого, если хотите, методологического значения, для меня лично эта поездка была важна еще в двух отношениях. Во-первых, я окончательно уверился, что найденное мною направление работы достойно, чтобы "копать" его и далее. После моего доклада на семинаре по предположению Николая Владимировича была организована "бригада добровольцев", признанная проверить мои эксперименты. Две недели экспериментов не только позволили воспроизвести мои результаты, но дали и дополнительные факты в их поддержку. Николай Владимирович с явным удовольствием констатировал это на отчетном докладе группы. Во-вторых, я впервые с абсолютной ясностью осознал, насколько я сер, невежествен даже в той области биологии, которой сам занимался. Более того, я понял, что мне необходимо знать...

Уезжая, я поклялся себе, что буду работать вместе с Николаем Владимировичем.

Вернувшись в Москву, я начал читать, что мог достать, по генетике, и прошел "малый практикум по дрозофиле" у Марка Леонидовича Бельговского. Не удовлетворившись самообразованием, осенью я "понес знания в массы" - поставил практикум по дрозофиле и прочитал несколько лекций по генетике для студентов только что организованной кафедры биофизики физфака, которой заведовал Л.А. Блюменфельд. Шла осень 1958 г. Дрозофила вернулась на биофак МГУ через 10 лет после ее изгнания. Так мы отметили 10-летие "исторической сессии ВАСХНИЛ"...

А обстановка на биофаке продолжала оставаться мерзкой. Б.Н. Тарусов всерьез опасался, что меня, а возможно, и его после моих лекций прогонят с работы. Попытки проф. Л.Г. Воронина - декана факультета -организовать лекцию Николая Владимировича в один из его приездов в Москву потерпели фиаско. Партбюро, где доминировали "лысенкоиды", сплошной стеной встало против приглашения на факультет "этого фашиста". Вход ему был открыт лишь на нашу кафедру, кафедру биофизики: Б.Н. Тарусов, сам из породы "альфа", высоко ценил Николая Владимировича как ученого и за его личные качества - гражданское мужество и ярко выраженное чувство собственного достоинства.

Николай Владимирович посетил нашу кафедру раза три (здесь, кстати, произошла его первая послевоенная встреча с Шарлоттой Ауэрбах, приезжавшей в нашу страну) и выступал с лекциями. Присутствовавшие на одной из этих лекций студенты кафедры генетики решили пригласить его на заседание научного студенческого общества, что вылилось в первое официальное выступление Николая Владимировича на биологическом факультете. Организовал его выступление председатель НСО В.М. Глазер, тогда студент 3-го курса, а ныне доцент кафедры генетики (я очень благодарен В.М. Глазеру за воспоминания об этом событии, использованные мною ниже с его разрешения).

Надо сказать, что задача была не из легких. С одной стороны, на предварительное приглашение, переданное через меня, Николай Владимирович ответил бурным отказом, ясно было, что ему претило повторение неудавшейся попытки Л.Г. Воронина. С другой стороны, ясно было и то, что партийные организации биофака, и особенно кафедр генетики и дарвинизма, будут категорически против. Новый заведующий кафедрой генетики - В.Н. Столетов, одновременно министр высшего и среднего специального образования, сделавший карьеру во времена Лысенко, правда, заигрывал с "недобитыми" генетиками (будучи политиканом, он предвидел скорый крах Лысенко) и дал согласие на приглашение Николая Владимировича на студенческий кружок, но предупредил (явно из осторожности), что сам присутствовать "не сможет". И тогда мы разработали "коварный" план. В.М. Глазер, прорвавшись через свиту к В.Н. Столетову в перерыве между его лекциями, сказал ему, что Трофимов-Ресовский соглашается выступить перед студентами с одним условием: если на его докладе будет Столетов. Получив согласие, немедленно по телефону сообщил мне, а я позвонил Николаю Владимировичу и сказал, что Министр лично просит его прочитать доклад и хочет с

ним познакомиться. Николай Владимирович согласился - он "уважал начальство". Доклад был назначен на следующий день. Объявления, развешенные на биофаке, были вскоре сорваны представителями партбюро, но все и так уже обо всем знали, и аудитория была переполнена задолго до начала семинара. Доклад был великолепен. Николай Владимирович вообще любил выступать перед молодежью, а здесь и отклик был адекватный, ведь аудитория была биологической. Доклад носил общеметодологический характер и завершался утверждением, что "ученый должен быть как боксер - уметь бить противника из любой позиции". Аплодисменты, возгласы, все формы изъявления восторга - в общем, было здорово. Затем состоялось знакомство Николая Владимировича и В.Н. Столетова и, на что мы и рассчитывали, официальное предложение прочитать курс генетики на кафедре МГУ. Такой же курс лекций уже несколько лет Николай Владимирович читал на кафедре генетики Ленинградского университета...

Теперь мы часто виделись с Николаем Владимировичем, каждый его приезд в Москву. Мы встречались на кафедре биофизики, или в доме у Реформатских, где обычно он останавливался, или на квартире Ляпуновых. И в одну из таких встреч он сообщим мне, что ему предложили организовать институт ("небольшой, знаешь, такой институтик"), на Урале, недалеко от Свердловска, для изучения последствий "плевка" - загрязнения весьма обширной территории леса и ряда озер радиоактивными изотопами в результате недавнего взрыва хранилища радиоактивных отходов в "Закрытом Городе". Николай Владимирович должен был быть научным руководителем этого института, а меня он приглашал в качестве административного директора. Моя мечта о совместной работе казалась близкой к осуществлению, и я не раздумывая согласился. Тотчас принялись за работу: писали проспект института, его задачи, структуру, перечень необходимых помещений, оборудования, список предполагаемых сотрудников и т.д. Николай Владимирович быстро ходил по комнате и диктовал, затем я перечитывал вслух написанное, следовали поправки, шлифовка фраз, уточнения деталей - официальный документ отрабатывался как научная статья, доводился до предельной ясности и лаконичности. За день-два все было готово и отвезено в Главк. Вскоре меня пригласили оформлять бронь на московскую прописку и получать назначение. И вот тут-то я узнаю, что сам Николай Владимирович в этом институте работать не будет и даже не будет "допущен" к нему как консультант... Я, конечно, отказался ехать на Урал, как и другие из научной молодежи, готовые работать в любых условиях, но только под руководством Николая Владимировича. Не знаю, кто повинен в "отставке от института" Николая Владимировича, но в результате "Институт на плевке" так и не был создан и наше отечество упустило уникальную возможность квалифицированно изучить последствия загрязнения радиоактивными изотопами больших территорий и разработать научные основы мероприятий по их последующему использованию. Никакие фрагментарные работы ни на самом "плевке", ни в различных "ящиках", как и в родившемся много лет спустя под Обнинском ВНИИ сельхозрадиологии и его филиалах, не могли восполнить этот пробел - отсутствие систематической, по единой программе, комплексной разработки проблемы радиоактивных загрязнений. В результате к таким событиям, как чернобыльская катастрофа, мы оказались совершенно не подготовленными...

Итак, первая моя возможность работать с Николаем Владимировичем не реализовалась. Вскоре, в начале 1960 г., я перешел в только что организованный при Курчатовском институте отдел биофизики, где, после 4-часовой беседы с начальником отдела о программе работы, подал заявление об увольнении и остался "на бобах"... но это оказалось к лучшему. Через несколько дней Н.П. Дубинин предложил мне должность заведующего лабораторией в одном из "ящиков", которую он занимал ранее на совместительству (вышел приказ, совместительство запрещающий), и я, конечно, согласился, (А В конце 1961 г. я узнал, что в Обнинске открывается новый институт -

Институт медицинской радиологии АМН СССР, где предполагаются исследования по радиобиологии. Я познакомился с директором этого института академиком АМН СССР Г.А. Зедгенидзе, и в начале 1962 г. переселился в г. Обнинск в качестве заведующего лабораторией радиобиологии клетки. Директор мне понравился. Институт был новый и, кажется, с большим будущим. Я решил уговорить директора пригласить в институт Н.В. Тимофеева-Ресовского.

Обнинский период

При первом же удобном случае я заговорил с Г.А. Зедгенидзе о Тимофееве-Ресовском. "Тимофеев-Ресовский? - переспросил он. - Знакомая фамилия... Он не работал под Берлином?" - "Работал, - ответил я, - в Берлин-Бухе, заведовал отделом генетики в Институте мозга". - "А! Там я его и видел. Я был в комиссии по ознакомлению с немецкими институтами... У него в лаборатории такие установки, такие установки..." И в ответ на мой недоумевающий взгляд пояснил: "Установка стоит, в ней дрозофила. Клетка поделится - мутация произошла! - лампочка зажигается..." С трудом сообразив, что речь идет о термостате, подхватываю тему: "Эти же установки у него и здесь, в Свердловске". - "Как, разрешили вывезти? " - "Он их и сюда перевезет, если к нам поступит..."

Через несколько недель, проведя по поручению Г.А. Зедгенидзе "разведку", я ему сообщил, что никакие запреты на Тимофееве-Ресовском не "висят", что ему можно проживать в любом месте страны и занимать любую должность. "Очень хорошо. Остальное за мной. Мы его пригласим прочитать лекцию, Вы нас вторично познакомите, и мы его пригласим работать".

"Вторичное знакомство" произошло примерно через полгода, в моей квартире. Во время обеда Г.А. Зедгенидзе предложил Николаю Владимировичу перейти в наш институт. Николай Владимирович тотчас согласился, заявив, что сам он "родом из Калужской губернии" и ему "приятно будет помереть на родине". В течение последующего года в Обнинск переехали те сотрудники Николая Владимировича, которых он брал с собой из Свердловска, а весной 1964 г. прибыли и Николай Владимирович с Еленой Александровной. Николай Владимирович возглавил отдел радиобиологии и экспериментальной генетики, куда, помимо двух наших лабораторий, вошла еще лаборатория молекулярной радиобиологии (ею заведовал Ж .А. Медведев), а позже - группа медицинской генетики (которой руководил Н.П. Бочков) и лаборатория радиационной иммунологии (заведующий К.П. Кашкин). Ядро лаборатории экспериментальной генетики составили свердловчане В.И. Иванов, Е.А. Тимофеева-Ресовская и Н.В. Глотов, а также вскоре поступившие к нам И.Д. Александров, Б.Ф. Чадов, Е.А. Гинтер, Е.М. Хованова и В.А. Мглинец. Вскоре друзьям Николая Владимировича удалось добиться в ВАКе присуждения ему степени доктора наук (по совокупности работ), а затем и звания профессора -ведь у него не было не только кандидатской степени, но даже диплома о высшем образовании, и он получал какую-то мизерную зарплату.

Последующие несколько лет, до конца 60-х годов, были, по крайней мере мне так кажется, лучшим периодом для института, да, пожалуй, и для самого Николая Владимировича. Г.А. Зедгенидзе очень хорошо относился к нашему отделу, и особенно к Николаю Владимировичу. "В нашем институте, - говаривал он, - есть два типа ученых: те, кому я показываю иностранцев, и те, кого я показываю иностранцам". Мы принадлежали ко второй, немногочисленной группе. В основе отношения к нам у директора лежал принцип: "Не мешать работать!" Наш отдел занимал превосходные помещения, имел все необходимое, заведующие лабораториями сами намечали тематику исследований. Мы не ощущали никакого администрирования. Георгий Артемьевич Зедгенидзе очень ценил в других людях чувство собственного достоинства и умение самостоятельно работать и не скрывал этого. Если ему надо было

побеседовать с Николаем Владимировичем, он сам (а не через секретаря) спрашивал по телефону, когда Николай Владимирович сможет уделить ему время, и приезжал к нему на машине в точно назначенный срок (административный корпус института отстоял от нашего, экспериментального, примерно на 7 км). Такое отношение директора очень импонировало нам всем и, конечно, весьма способствовало той открытой, свободной и творческой атмосфере, которая так естественно складывалась вокруг Николая Владимировича.

"Творческая атмосфера". Это когда работаешь с удовольствием, когда ходишь на работу, как на праздник, когда твои успехи радуют окружающих, а неудачи или ошибки порождают не злопыхательство, а стремление помочь. Желание работать. Умение гордиться своей работой, но не "выпендриваться". Умение здраво оценивать результаты своей работы (любимый вопрос Николая Владимировича на семинарах - "А почему сие важно в-пятых?"). Отношение между сотрудниками, когда доминирующее значение имеет не диплом, не степень, не возраст, а только результат... Все это естественно и неизбежно складывалось вокруг Николая Владимировича, настолько естественно, что людям, работавшим со студенческой скамьи только с ним, казалось, что так и должно быть, что иначе не бывает.

И, что особенно важно, Николай Владимирович был "критерием значимости". Отсутствие критерия значимости - хроническая болезнь нашей науки. Общественное мнение ученых, научных работников практически исчезло, ведь оно у нас ничего не значит. "Большие ученые" тоже, потихоньку как-то "слиняли": после того как "продвижение по служебной лестнице", награды и почести стали зависеть не от результатов работы, а от умения угодить начальству; после того как почетное академическое звание обернулось кормушкой, пожизненным лакомым кусочком, подкормкой "за верную службу", наступило несоответствие общественного положения и научных заслуг большинства "Ученых Мужей" и их мнение "критерием значимости" быть перестало. Взамен пошли в ход суррогаты: число публикаций, особенно в зарубежных журналах, умение! воспроизвести данные, не очень давно опубликованные зарубежными авторами, ссылки на собственные работы, особенно в зарубежной литературе... Наша наука становилась все более подражательной, копиистской… Но и такой суррогат признания не всем доступен, добираться до него долго и далеко. А для поддержания тонуса "критерий значимости" должен срабатывать постоянно, это как бы "обратная связь", корректирующая твой путь: "Да, ты на верном пути, так держать", или "Стоп, где то ты сбился с дороги", или же "Назад, братец, ты ломишься в никуда…" Николай Владимирович был критерием значимости, и так же естественно, как пил чай и дышал. Это свойство его проявлялось всегда: в "трепе" за кофейком, в его вопросах и расспросах при обходе лабораторный помещений, во время отчетов, и, конечно, во время докладов на семинарах, и когда он подводил итоги, "отделяя существенное от несущественного", и когда он делал разносы, "возя мордой об стол", "вышибая дурь" из докладчика или аспиранта, прочитавшего ему свою первую статью.

При этом - и нам это, конечно, льстило, - функции Николая Владимировича как критерия значимости распространялись далеко за пределы нашего отдела. Сотрудники других лабораторий, других институтов - московских, ленинградских, киевских, минских и, конечно же, далеких периферий- все, я подчеркиваю, все, от дипломников до академиков -считали честью выступить на нашем семинаре и удостоиться одобрения Николая Владимировича. Нередко "трепы" и общения, начатые на семинаре, продолжались вечером, дома у Тимофеевых-Ресовских, "за чайком", где собирались вместе подчас самые разные люди, от лаборантов и аспирантов до широко известных ученых, таких, как академик Б.Л. Астауров, Н.Н. Соколов, В.В. Сахаров, А.А. Прокофьева-Бельговская, писатели А.И. Солженицын и Д.А. Гранин, искусствоведы, психиатры, экономисты, кинорежиссеры, кого только не перевидали мы на знаменитых тимофеевских вечерах, продолжавшихся практически ежедневно на протяжении почти

пятнадцати лет.

Жили Тимофеевы-Ресовские в Обнинске недалеко от вокзала, что очень облегчало "доступ" к ним иногородних гостей. Квартира Тимофеевых-Ресовских была небольшой, из трех комнат (одна из них проходная), в "хрущобном" доме. Маленький кабинетик, со старыми (еще из Берлин-Буха!) диваном и письменным столом со стопками вновь поступивших книг, вдоль стены - книжные стеллажи; спальня Елены Александровны - единственная комнатка с новым мебельным гарнитуром, и гостиная (она же столовая, она же спальня для иногородних гостей, которые нередко здесь ночевали) с большим столом посередине, книжными стеллажами вдоль стен и картинами Олега Цингера, как правило, даже без рам ("Он так их нам и дарил!").

Вечера в доме у Тимофеевых-Ресовских были столь же естественной и неизменной слагающей нашей жизни в Обнинске, как и будни, а подчас и дни отдыха, проводимые в лабораториях. К Тимофеевым-Ресовским можно было прийти всегда, часов в 7 вечера. Ежедневно. На звонок неизменно выбегал Николай Владимирович, если было холодно, снимал с вас пальто, и сам вешал на вешалку (так же как и прощаясь - провожал вас и подавал вам пальто), и, введя в гостиную, предлагал садиться "где хотите". Если гостей набиралось много, они постепенно диффундировали в кабинет Николая Владимировича и даже в спальню Елены Александровны, размещаясь на чем только возможно. Независимо от того, сколько было гостей, появлялся самовар, и Елена Александровна, этот ангел-хранитель Николая Владимировича и всех нас, поила нас чайком. Когда подряд выдавалось несколько многолюдных вечеров, Елена Александровна иногда начинала ворчать, жаловаться на усталость и просила нас: "Ребятки, не приходите с недельку, отдохнуть надо". Но проходил день, два, и Елена Александровна говорила: "Володя или Коля, или Лиза), что-то Вы давно у нас не были, приходите сегодня!" - "Елена Александровна, да ведь Вам и Николаю Владимировичу отдохнуть надо", - отвечал Женя (или Володя, или Таня), и обычная реакция Елены Александровны: "Да мы уже соскучились..." Николай Владимирович уверял, что так было всегда -и в Свердловске, и в "пункте С", и в Берлин-Бухе... Собирались мы у Тимофеевых-Ресовских часто и по праздникам - на Новый год, на Пасху.

Хотя к Тимофеевым-Ресовским мог прийти кто хотел, это не означает, что любой был желанным гостем. Если Николай Владимирович посчитает кого-либо непорядочным, он мог сказать ему об этом в лицо и предложить не бывать более у них в доме; однажды я сам был свидетелем такого эпизода. Порядочность - обычная нормальная человеческая порядочность - почиталась им очень высоко и ценилась более чем прочие (в том числе и научные) достоинства. Он был глубоко убежден, что непорядочный человек не может успешно заниматься научной работой, и говаривал: "Главное, чтобы человек был хороший".

На тимофеевских вечерах "трепы" бывали самые разные: обсуждали новые книги или кинокартины, реже - интересные научные статьи, слушали музыку, или Николай Владимирович рассказывал разные эпизоды из своей богатой событиями жизни, о встречах с разными людьми, о поездках по разным странам. Очень любили Елена Александровна и Николай Владимирович, когда у них собиралась только молодежь, даже как-то организовали молодежные музыкальные вечера, где слушали классическую музыку и лекции о творчестве разных композиторов. Потом эти вечера тоже поставили в вину Николаю Владимировичу "растлевал молодежь..."

Семинары и обсуждение текущей работы в отделе; вечерние чаи; лекции в Московском и Ленинградском университетах; лекции и доклады в Москве, Ленинграде, Ереване, Минске, Душанбе и других городах для научных работников и студентов; лекции в Обнинске и других местах Калужской области для агрономов, учителей, школьников, работников милиции и пожарной команды... Николай Владимирович никому не отказывал - он считал своим долгом, своей обязанностью нести знания всем,

кто хочет их получить…

И при этом - постоянная научная работа, обсуждение планов и результатов экспериментов, шедших под непосредственным его контролем, по генетике популяций и феногенетике дрозофилы, по радиационной генетике арабидопсис, по радиобиологии почвенных микроорганизмов, по радиационной цитогенетике млекопитающих; слушание отчетов и диссертаций многочисленных аспирантов из разных союзных республик - Армении, Украины, Таджикистана; работа над статьями, зачастую переходившая в диктовку статей своим соавторам; работа над книгами. За обнинский период им с учениками и сотрудниками других институтов написано пять монографий, где досконально, с дотошностью выверены все факты, все ссылки, отшлифована каждая фраза - и это при том, что писать (точнее, диктовать) книги он не любил, долго не соглашался приступить к очередной, ругался и ворчал.

В эти же годы Николай Владимирович получает крупные научные награды: серебряную медаль имени Лазаро Спалланцани (Италия), серебряную дарвиновскую медаль (ГДР), серебряную менделевскую медаль (ЧССР) и Кимберовскую премию (США), представляющую собой Большую Золотую медаль (и ее бронзовую копию) и 2000 долларов. За границу получать эти награды его, конечно, "не пустили", и в нарушение всех правил их вручали ему в Москве. Так, Кимберовскую премию посол США вручил Николаю Владимировичу в президиуме АМН СССР. Искренне удивившись его хорошему самочувствию, он спросил, почему же Николай Владимирович не приехал получить премии в США? "Так я же тринадцатый лауреат!" - отозвался Николай Владимирович... Часть денег от Кимберовской премии Николай Владимирович обратил в сертификаты, на которые ряд лет Елена Александровна закупала в Москве всякие вкусные вещи, скармливая их гостям...

В нашем "многоуважаемом, но обширном отечестве" Николай Владимирович был Почетным членом и членом-учредителем ВОГиС имени Н.И. Вавилова, а также действительным членом МОИП, Географического общества СССР и Всесоюзного ботанического общества. У нас он не получил ни одной правительственной награды, ни одного официального поздравления с юбилеями, ни одного предложения баллотироваться в члены-корреспонденты или действительные члены АН СССР. Научное руководство Академии его просто не замечало, постоянно игнорировало, хотя лично многие академики были с ним весьма близко знакомы. И дело тут, думаю, не в том, что он "был в опале" или "политически неблагонадежным". Решающую роль здесь, думаю сыграл его целостный, независимый характер, неспособность идти на компромиссы, предательство, подхалимаж, другими словами - то справедливо отмеченное Д.А. Граниным чувство собственного достоинства, что заставляло его всегда, в любой ситуации, оставаться самим собой и которое, вероятно, служило укором многим, сохранившим и упрочившим свое "положение" если не явным предательством, то уж, конечно, множеством компромиссов и умалчиваний, на что Николай Владимирович был абсолютно неспособен. Мне рассказывал Б.Н. Тарусов, как еще в то время, когда Николай Владимирович, будучи заключенным, работал в "пункте С", он, Тарусов, по поручению "кого-то сверху" встретился с Николаем Владимировичем и предложил ему написать небольшой пасквиль на Германию, где прошла его научная молодость, обещая за это скорую амнистию и разные блага. Николая Владимирович отказался.

Партийные власти Обнинска и Калужской губернии, в отличие от научных властей Москвы, отнюдь не игнорировали Николая Владимировича. Его независимые суждения, его стиль держаться - ни перед кем не заискивать и называть вещи своими именами, видимо, изрядно им претили с самого начала, т.е. с 1964 г. Расплата наступила, однако, лишь ряд лет спустя, после подавления "Пражской весны". Тогда повсюду дружно усилилась реакция. В Обнинске начали "шерстить" партийное и гражданское начальство; вместо весьма либерального первого секретаря горкома

прислали какого-то "однорукого бандита" с ухватками хама; в жизни института на первое место встали наглядная агитация, политчасы, соцсоревнования, уборка картофеля, заготовка сенажа и т.п. Вскоре потребовали, чтобы директор уволил Ж.А. Медведева, заведовавшего одной из лабораторий в нашем отделе. Следующей жертвой были Тимофеевы-Ресовские. Им было предложено уйти на пенсию. Предложение это поступило через начальника отдела кадров. Елена Александровна и Николай Владимирович, не встречаясь с директором, написали заявления. Их не провожали, а "выпроваживали" на пенсию - без торжественного заседания Ученого совета, без приказа с благодарностью, без "памятных подарков". Я заметался по кабинетам административного корпуса, пытаясь "выбить" из администрации хоть видимость приличия. Безрезультатно! Вечером пошел домой к Георгию Артемьевичу. Он был мрачен и краток "Что Вы от меня хотите? Я уже получил выговор за Тимофеева-Ресовского. Скоро и меня выставят" - и все... На другой день мы устроили в отделе проводы Николая Владимировича и Елены Александровны. С шампанским, цветами, тостами, со слезами. Затем они уехали домой, чтобы никогда больше в институте не появляться, по крайней мере при жизни.

Теперь мы почти ежедневно собирались по вечерам у Тимофеевых-Ресовских. Держались они превосходно, как всегда, ни на что не жалуясь, угощали нас чайком. Темы ухода на пенсию все избегали. Через некоторое время Николая Владимирович сообщил нам, что Олег Георгиевич Газенко, его старый друг и директор Института медико-биологических проблем МЗ СССР, пригласил его работать в своем институте в качестве консультанта. В этом статусе пробыл Николай Владимирович почти десять лет, вплоть до своей кончины. Первые годы он регулярно, дважды в неделю, ездил в Москву, в Институт Газенко, для обсуждения планов работы и отчетов, бесед с сотрудниками и чтения лекций, а позже, когда это стало уж очень трудно, сотрудники Института, желающие побеседовать с Николаем Владимировичем, приезжали к нему в Обнинск.

Николай Владимирович не мог жить без работы, и статус консультанта его устраивал, лишь бы он опять мог участвовать в научной жизни. Со всех концов страны к нему опять приезжали люди, диктовались статьи; главы новых книг, а по вечерам - традиционные чаепития. Как будто бы все как прежде. Но... Беда в том, что в нашем-то Институте медицинской радиологии продолжалась расправа с бывшим отделом Тимофеева-Ресовского. Организатора Института и его директора, академика Г.А. Зедгенидзе, как он и предсказывал, тоже вскоре "выставили" на пенсию. Лабораторию Ж.А. Медведева ликвидировали сразу после его увольнения, лабораторию Николая Владимировича сократили и оставшихся сотрудников присоединили к моей лаборатории, отдел ликвидировали, начался нажим на меня - этакий психологический прессинг, когда чувствуешь что "не ко двору", а сделать ничего не можешь. Так, на моем отчете на партбюро (хотя сам я беспартийный) обсуждали не итоги научной работу лаборатории, а то, почему в моей лаборатории мало членов партии и почему за десять лет работы не было ни одной склоки и ни одного "персонального дела". Ясно было, что пора уходить. Вскоре ведущие сотрудники бывшего отдела Николая Владимировича начали переходить на работу (обычно с повышением) в Ленинград, Москву, Новосибирск. В.И. Иванов, Е.К. Гинтер и В.А. Мглинец перешли работать в Институт медицинской генетики АМН СССР, Н.В. Глотов - на кафедру генетики МГУ. После моего ухода расформировали и мою лабораторию, распределив сотрудников по разным отделам. Новое начальство института провожало отъезжающих так радостно, что Е.К. Гинтер, прощаясь, сказал: "Дай Бог, чтобы нас так встречали, как вы нас провожаете". Радиационная генетика и радиобиология клетки были в институте практически уничтожены.

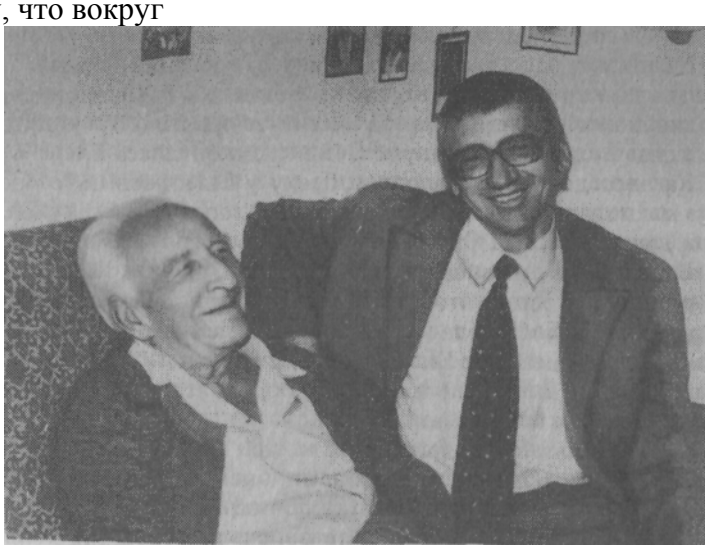
Еще когда не все мы покинули Обнинск, скончалась Елена Александровна. Как всегда, мы праздновали Пасху у Тимофеевых-Ресовских. На этот раз мы подарили

Елене Александровне золотые часы-кулон, о которых она давно мечтала. Она сшила себе новое голубое платье, которое очень шло ей, была оживленной, даже веселой, выпила коньячку, произнесла несколько тостов, что с ней редко бывало. Было очень хорошо, "как раньше..." После ухода гостей прилегла немного отдохнуть. Только пришли мы домой, звонит Николай Владимирович: "Приходите, Лёлька умерла..." Умерла Елена Александровна, как святая, на Пасху, в светлом настроении, совсем без мучений.

Смерть Елены Александровны Николай Владимирович воспринял трагически. Он не мог ничего делать, ни с кем не разговаривал, только повторял: "Без Лёльки я не владею техникой жизни..." Его старались не оставлять одного, пытались отвлечь, развлечь разговорами. Только необычайная живучесть Николая Владимировича позволила ему преодолеть это несчастье, с тем чтобы постепенно готовиться к собственной смерти. Он наотрез отказался переехать к сыну, в Свердловск, или в Москву, к дальним родственникам, заявив, что должен умереть здесь и быть похороненным рядом с Еленой Александровной. Не разрешил никому поселиться у него, чтобы за ним ухаживать, видимо посторонний в квартире, особенно в комнате Елены Александровны, его раздражал. К нему приезжали и приходили, приносили продукты, готовили еду. В Москву он ездил теперь совсем редко, но обязательно в начале каждого лета - на панихиду, которую заказывал в маленькой церквушке на Ленинских горах, около университета, где собирались лишь близкие друзья, отправлявшиеся затем на поминки в квартиру Реформатских.

Теперь Николай Владимирович все чаще возвращался к разным периодам своей жизни, перебирая их, рассматривая как бы заново, оценивая с этических позиции. Он подводил итоги. Интеллект его оставался все таким же могучим, хотя сосредоточение на чем-то внешнем давалось все с большим трудом. Шло подведение итогов, итоговым, по существу, был и его последний доклад, прочитанный 28 февраля 1980 г. на заседании Московского отделения ВОГиС им. Н.И. Вавилова и посвященный проблеме эволюции. Новый взгляд на проблему эволюции, не высказывавшийся им ранее, но явно давно созревавший, прозвучал как научное завещание. А осенью 1980 г. он собрал в Обнинске, в своей квартире, друзей, с явным намерением попрощаться.

Народу собралось много, вся квартира Николая Владимировича оказалась заполненной. С трудом разместились вокруг стола, на котором стояли водка и множество разных закусок. Подняв рюмку и встав, Николай Владимирович обратился к присутствующим. "Я счастливый человек, -сказал он. - Я прожил хорошую жизнь. А почему? А потому, что вокруг



Н.В. Тимофеев-Ресовский и Валерий Иванович Иванов в день 80-летия (Обнинск, 7 сентября 1990 г.). Фото С.Э. Шноля

Н.В. Тимофеев-Ресовский (в центре)
Слева А.Г. Маленков, справа А.Ф. Ванин. В день *80-летия. Фото С.Э. Шноля*

Н.В. Тимофеев-Ресовский с сыном А.Н. Тимофеевым в день *80-летия*

меня всегда были хорошие люди..." К сожалению, никто не записал его прощальный тост. В волнении даже забыли включить магнитофоны, специально для этого случая приготовленные.

Вскоре Николая Владимировича, уже совсем слабого, увезли в больницу. Он умирал медленно, но в полном сознании, почти никого не желая видеть и ни о чем не сожалел. Похоронили его рядом с Еленой Александровной.

Школа Тимофеева-Ресовского

Похороны Николая Владимировича не обошлись без казуса. Новая дирекция института боялась провести гражданскую панихиду в конференц-зале, и лишь когда позвонил академик О.Г. Газенко и сказал, что он выезжает на панихиду, "вопрос был решен положительно", как говорят бюрократы.

Выступая на панихиде, О.Г. Газенко сказал, что Н.В. Тимофеев-Ресовский принадлежал к тому типу ученых, значение которых для развития науки будет все более осознаваться и возрастать с течением времени после их смерти. И относится это в значительной мере к такому крайне редкому в нашем отечестве феномену как научная школа. Школа Тимофеева-Ресовского.

Кто-то из мудрецов сказал, что не учителя подбирают себе учеников, а ученики находят своего учителя. Я уже говорил, что ярко выраженной особенностью Николая Владимировича было его просветительство. По своей природе он был Учитель. Он щедрой рукой сеял семена знания в самых разных аудиториях, и, если такое семя

попадало на подходящую почву, оно начинало прорастать. Я много раз наблюдал, как запавшее в душу слово Николая Владимировича побуждало еще и еще послушать его, затем побеседовать с ним, потом поработать в его лаборатории или под его руководством. Такой контакт, даже если он был непродолжительным, всегда оставлял в сердце и разуме человека глубокий след. Влияние его лежало в широком диапазоне - от благодарного чувства причастности до изменения направления работы, профессии и места жительства, т.е. всей жизни. Я знал людей, придерживавшихся концепций Лысенко и Лепешинской и возвращавшихся из поездки в Миассово убежденными сторонниками формальной генетики. Я знаю крупного ученого-фитопатолога, который, будучи студентом философского факультета, из чистого любопытства пришел на лекцию Тимофеева-Ресовского, и это круто изменило его судьбу: из философа он стал первоклассным биологом.

Учительство Николая Владимировича распространялось далеко за пределы трех стандартных форм - лекций для самых широких аудиторий, циклов лекций и бесед для специалистов и руководства научной работы аспирантов и молодых сотрудников, часто диссертантов или докторантов. Обучал он всей своей повседневной жизнью - своей речью, манерой общения, уважением к личности человека, доброжелательностью к людям, нетерпимостью ко лжи и верхоглядству, всегдашней готовностью помочь, ярко выраженным чувством собственного достоинства и ответственности за всех соприкасающихся с ним, своей шкалой этических и духовных ценностей. Я уже говорил, что общалось с ним множество людей - разных возрастов, профессий, национальностей. Каждый заимствовал у него что мог согласно своей индивидуальности и форме общения, от внешней манеры держаться или говорить (обычно как неосознанное подражание) до общеметодологических установок и конкретных направлений исследований.

Общенаучная методология - это, пожалуй, то, что наиболее характеризует разномастную группу специалистов в самых разных областях биологии, претендующих на звание учеников Николая Владимировича. Он учил нас методологии научной работы, напомню, дело происходило двадцать-тридцать лет назад, когда кастрированная лысенковщиной биология только начинала приходить в себя, а головы студентов и аспирантов забивали "Кратким курсом" и диалектико-материалистическим словоблудием. Высокая требовательность к фактам, умение "отличать существенное от несущественного" и стремление осознать, "почему сие важно в-пятых", - это, пожалуй, и есть то общее, что объединяет работы на самые разные темы, характерные для школы Тимофеева-Ресовского.

И в заключение несколько слов о чтениях памяти Тимофеева-Ресовского. Эти чтения были задуманы сразу после его смерти, но реализовать их все не удавалось. То партийное начальство города не разрешало (в Обнинске), то партийное начальство хотя и не запрещало, но и не одобряло (в Пущино). Наконец, когда в 1982 г. группа учеников Николая Владимировича встретилась на семинаре в Ереване, было решено организовать эти чтения в Армении, где Тимофеевы-Ресовские несколько раз бывали и очень ее любили. Нам повезло. К этому времени вышел "Советский энциклопедический словарь", в котором написано: "Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (р. 1900), советский биолог, один из основоположников радиационной генетики, биогеоценологии и молекулярной биологии. В 1925—1945 гг. работал в Германии. Труды по популяционной и эволюционной биологии и феногенетике". Этих нескольких строк оказалось достаточно, чтобы ЦК Армении санкционировало проведение чтений. Первые чтения, в Ереване, состоялись 25-27 мая 1983 г., сборник трудов вышел в том же году. Приглашенных было немного, около 30 человек, почти все - непосредственные ученики или сотрудники Николая Владимировича. Но диапазон тем, обсуждавшихся в докладах - от радиационной микробиологии до генетики природных популяций и проблемы "Биосфера и человечество", - прекрасно отражал широту интересов и сферу

научного влияния нашего учителя. Вторые чтения состоялись в конце апреля 1986 г. в Чернигове и были посвящены в основном радиобиологии - дисциплине, одним из основателей которой был Николай Владимирович. Я надеюсь, что традиционные чтения памяти Тимофеева-Ресовского будут лучшей формой выражения нашей признательности учителю.